

Правительство
Оренбургской
области

XVII Международный кинофестиваль «Восток&Запад. Классика и Авангард»

Круглый стол

«Восток—Запад: пути культурной интеграции и развития кинематографа»

Андрей Богатырев, режиссер:

«Когда в 2020 году проходил фестиваль стран БРИКС, я отметил, что мы все обсудили, но ничего не будет сделано. Надеюсь, в этом году будет по-другому. На стыке Востока и Запада высекается настоящая искра творчества. И в этом году, возможно, мы договоримся о копродукции и ином взаимодействии, чтобы создавать вместе фильмы».

Татьяна Воронцовская, продюсер, президент МКФ «Восток&Запад. Классика и Авангард»:

«В современном мире много вызовов: начиная от искусственного интеллекта, заканчивая падением интереса к культмассовому продукту. Мы должны понимать, что делать дальше, как развивается кинематограф в наших небольших областях и у стран-соседей. В России живет 130 миллионов, активного населения — 30 миллионов, тех, кто ходит в кинотеатры, и того меньше. Например, в Монголии — очень высокая посещаемость кинотеатров. Нам нужно осознать, как будет складываться кинопроцесс, на что мы будем ориентироваться. Вы снимаете фильмы на национальных языках, но будут ли продвигаться фильмы с субтитрами или нет? Было бы хорошо это понять».

Нина Кочеляева, программный директор МКФ «Восток&Запад. Классика и Авангард»:

«Готовится документальный фильм о Кирилле Разлогове, при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. Спустя три года после его кончины мы решили сделать фильм и выпустить книгу о нем. Мы выбрали для фильма формат, который называется анимадок: использование в документальном кино мультипликации, которая иллюстрирует то, что говорят герои фильма».

Владимир Ястреба, кинопродюсер (Россия/Болгария):

«Болгария переживала серьезные потрясения, было время, когда не снимали совсем ничего. Но этот процесс сейчас преодолен и болгарский кинематограф развивается. Было время, когда не было даже телевизионных сериалов, сегодня все это есть. Бюджеты серьезно увеличились. Как во многих странах, государство не дает 100% поддержку, остальное надо искать. Сейчас поиск спонсора и возможностей затруднен, потому что самих фильмов просто стало больше. С прокатом — непросто. Раньше кинотеатры были заполнены американскими фильмами, сейчас ситуация изменилась, государство заинтересовано в продвижении болгарского кино. Появилась система взаимоотношения кинотеатров с авторами фильмов. Уровень кинематографа повысился, болгары начали ходить на болгарское кино, которое раньше их не интересовало».

Татьяна Воронцовская:

«В 2007 году была в Болгарии, выбирала натуру. И там не было ничего. А студии местные покупали американцы. Так ли все было?»

Владимир Ястреба:

«Все было еще трагичнее. Была одна студия, наш болгарский «Голливуд», крупный киноцентр, созданный еще в советские годы. А потом в девяностые все начало продаваться. Были люди, которые занизили цену этого киноцентра, и американцы все купили за копейки. Сейчас у болгарского кинематографа нет своей площадки, и до сих пор болгарские кинематографисты с трудом договариваются об услугах этого киноцентра».

Нина Кочеляева:

«Я исследовала опыт софийской киностудии «Бояна». Там есть и положительные моменты. Создан комплекс, где могут происходить исторические съемки: античные декорации, улицы Лондона. Были открыты курсы постпродакшн, визуальных эффектов. И сформировалась структура подготовленных людей, которые работают не только на болгарских режиссеров».

Фархад Махмудов, артист, кинорежиссер, преподаватель (Россия/Узбекистан):

«Я набрал таджикскую национальную мастерскую. Заканчивают обучение студенты узбекской мастерской. Азиатские кинематографисты долго приходили в себя. Относительно стабильно чувствовал себя только Казахстан, во многом благодаря Сергею Соловьеву, который подготовил целую плеяду казахских режиссеров так называемой «Новой волны». Если говорить про Узбекистан, а это самая большая республика в Средней Азии, 35 миллионов населения, — в советское время до 17 картин в год выпускал «Узбекфильм», это много. С 2015 года изменилась власть, и со стороны государства

появилось финансирование, стали снимать совместные картины с другими странами, например с Таджикистаном. Какие-то фильмы появляются, в том числе и на фестивалях».

Нина Кочеляева:

«В прошлом году победила таджикская картина «Фортуна». В этом году Узбекистан и Таджикистан на нашем фестивале не представлены».

Фархад Махмудов:

«Очень бы хотелось, чтобы Россия тоже присоединилась к копродукции, в Узбекистане этого очень ждут. Важно не забывать, что все стороны идут навстречу друг другу. Особенно учитывая нашу давнюю совместную историю. Было заявление президента Узбекистана о том, что 50 картин государство профинансирует, правда, только про великих людей страны, про великие имена. Но я думаю, что и в это тоже можно попытаться зайти».

Татьяна Воронцовская:

«Вопрос. Как вы считаете, влияние на производство больше советское или уже американское?»

Фархад Махмудов:

«Влияние русской культуры, конечно, есть. Но есть и американское тоже. Мир изменился, где-то тяжело воспринимать, слишком долго не подается информация. Мы живем в век быстрой информации. Но постановка кадра, грим, костюм — советская школа потрясающая. И во ВГИКе это пытаются передавать. Это есть. Может, ритм изменился, а все остальное — не сильно».

Татьяна Воронцовская:

«Если сейчас снимать совместное кино, такое, чтобы в вашей стране смотрели, какие актеры должны играть главную роль? Российские или Узбекские?»

Фархад Махмудов:

«Я должен играть главную роль, и будет касса». (Смех в зале)

Онондорж Дашдондог, продюсер:

Вопрос: есть ли копродукция, пользуются ли наши российские фильмы популярностью в Монголии?

«По копродукции у нас очень большие планы. Нам надо обязательно выходить на внешние рынки, потому что наш рынок очень маленький, всего 3 с половиной миллиона жителей. Без копродукции даже на внутреннем рынке мы развиваться не сможем. Наш самый кассовый фильм — монгольский вариант «Холопа».

Нина Кочеляева:

«Сейчас и турки снимают франшизу «Холопа».

Онондорж Дашдондог:

«Это говорит о том, что все зависит от хорошего сценария и от хорошего исполнения. И по маркетингу — это самая уязвимая часть всего кинопроизводства. Я вижу, что самостоятельно продвигать фильмы очень сложно. Самая подходящая такая история — это фестиваль. Непрямая реклама о хороших фильмах сразу попадает в СМИ. Фестивали надо посещать обязательно. Наш рынок для других кинопроизводств совсем не интересный, потому что слишком маленький. Других производителей интересуют локации и история. В 2022 году по новому закону о кинопроизводстве — рибейты до 40%, и иностранцам стало интересно снимать в Монголии».

Роман Дорофеев, киновед:

«У нас в конкурсе «Город ветра» — дебют. Картина была в венецианских «Горизонтах» и в огромном количестве других фестивалей. Как ее восприняли в Монголии?»

Онондорж Дашдондог:

«В прошлом году два наших топовых фильма «Город ветра» и «Если бы я мог впасть в спячку» получили награды в Венеции и Каннах, и они очень хорошо прошли в кинотеатрах, хотя артхаусные. В чем успех: хорошо подавались на финансовые гранты, у них была поддержка небольших мероприятий и благодаря этому они нашли своих копродюсеров, компании, которые поддерживают молодое кино. В том числе и европейские средства были найдены».

Нина Кочеляева:

«Питчинги — очень востребованная форма, которая позволяет найти дополнительное финансирование».

Богдан Шевченко, участник конкурса короткого метра «Шаг»:

«Вопрос. В нашем продакшене сценарная группа написала половину сезона сериала, где действие происходит в Монголии. И продюсеры спросили: «Монголия — это где? Давайте снимать в Краснодарском крае». То есть нет информации, что можно приехать, что снимать в Монголии недорого. Где ее найти?»

Онондорж Дашдондог:

«Наш кинокомитет был образован в 2022 году, и вся информация по рибейтам, локациям и разрешениям есть на его сайте».

Татьяна Воронецкая:

«Возможно, в будущем на фестивале имеет смысл представлять площадки и локации разных стран, чтобы кинематографисты могли обмениваться этой интересной и полезной информацией».

Сиддартха Джатл, режиссер (Индия):

О поиске финансирования и питчингах.

«Мой фильм — это копродукция: Индия, Индонезия, Тайвань, Китай, Япония, Америка. Следует отметить, что сложно искать финансирование в Китае и Тайване из-за внутреннего конфликта между ними. Это был вид борьбы. Сложно было сочетать требования всех стран, поскольку разные страны требовали отчетов в разное время, кто-то давал деньги на звук, кто-то на монтаж, в связи с чем было сложно даже логистически это организовать, потому что везде разные часовые пояса. Но Индия готова сотрудничать с российскими кинематографистами».

Онондорж Дашдондог:

«У Монголии огромные возможности финансирования из Китая. Те финансовые возможности, которые исходят из внутренней Монголии, потом помогают и в прокате».

Татьяна Воронецкая:

«Индия интересуется продюсеров из-за огромных возможностей проката, многие продюсеры с удовольствием воспользовались бы такой возможностью проката в Индии, чтобы «отбить» потраченные деньги».

Никита Сутырин, режиссер:

«Я занимаюсь и питчингами, и кое-какой опыт есть в копродукции. В рамках фестиваля мы говорили, что это может быть одна из технологий, которые рождались на наших глазах. Еще вчерашние выпускники ВГИКа скидывались на бензин, чтобы попасть на питчинг-сессии и мастер-классы в восточной Европе, потому что у нас такого не было. И здорово наблюдать, что эта технология повсеместно распространилась и на наш кинематограф, и на самых разных площадках и фестивалях. Это то ноу-хау, которым нашим кинематографистам надо владеть. И возможно, в будущем мы поработаем с питчингами в Оренбурге. Когда мы говорим о питчинге, мы говорим о проекте, о некоей генерации смысла от режиссера или сценариста. И когда мы говорим, что где-то раньше в республиках создавались национальные киностудии, — именно там и создавались смыслы. А теперь на этих студиях предоставляются киноуслуги, но это уже не про смыслы. Инфраструктура региональных студий превратилась не в генераторов смысла, а в обслуживающий персонал. А питчинги — мы развиваем авторов смыслов».

Нина Кочеляева:

«Учить профессии и мастерству — мы учим, но с обучением смысла, конечно, нужно поработать».

Наталья Панталева, военный корреспондент:

«Мы снимаем фильмы на стыке документального кино и специального репортажа. У нас, в отличие от игрового кино, невозможно заранее написать сценарий и что-то спрогнозировать. Мы приезжаем на фронт и снимаем жизнь, истории героев Донбасса. Мы находим героев, стараемся раскрыть душевную сторону людей, отходим от новостной динамики. Хотя и это требуется тоже: динамика нам нужна. Показываем наших ребят, наших солдат, как они приходят к вере, как меняются их взгляды. Очень часто, когда в зону СВО приходят люди, даже актеры и режиссеры, они потом меняются, становятся совсем другими людьми».

Хассан Бенджелон, режиссер:

«Впервые побывал в России в начале 2000-х, снял документальный фильм, он был представлен на фестивале в Ташкенте. Кинематограф Марокко поддерживается государством. Сначала пишется сценарий, комиссия из 11 человек сценарий утверждает, и потом уже начинаются съемки. В Марокко 250 кинотеатров. К сожалению, с появлением интернета и телевидения у марокканцев пропал интерес к посещению кинотеатров, но сейчас ситуация постепенно меняется. Кинотеатры возрождаются. В Марокко работают дистрибьюторы, которые открывают французские кинотеатры, и они привлекают кинематографистов, чтобы снимать фильмы в Марокко. Налоги для кинематографистов снижаются, их почти нет. Практически все в кино представлено: и горы, и море, и Сахара. Можно снимать в различных локациях, приезжают снимать и американцы, и немцы, и итальянцы. В Марокко очень хорошее оборудование, им можно пользоваться. Поэтому привлеченные иностранцы способствуют развитию и марокканской киноиндустрии. Самые кассовые фильмы в Марокко — марокканские, наибольшей популярностью пользуются марокканские комедии. В Марокко проходит 75 кинофестивалей, представлены разные страны. В прошлом году были представители из Монголии на фестивале «До ля Монтань» — показы посвящены горной тематике. В Марракеше проходит много фестивалей, и каждый год делается фокус на какую-то страну. Какой-то год — Индия, какой-то год — Россия, и так далее. Это помогает популяризации кино. Есть фестивали африканского, арабского, есть фестивали, посвященные женщинам, другим темам, но нет фестиваля, посвященного азиатскому кино. Вообще марокканский кинематограф находится на пути сотрудничества с кинематографом разных стран: и Бельгии, и Франции, но с Россией до сих пор такого сотрудничества не было».

Татьяна Воронецкая:

«Говоря о съемках в других регионах и странах, нужно понимать, что и наша страна огромна, но доставить в какой-то регион съемочную группу, расселить

ее там — это очень дорого. Вот, например, у нас сидит гость из Хакассии, но там нет кинематографической инфраструктуры».

Андрей Богатырев:

«Действительно, прежде чем лететь в Монголию, нужно понимать, что у нас такая огромная страна и в ней все есть. Но, например, «Золото Умальты» — это Хабаровск, но даже долететь на переговоры — это непросто. Поэтому основная масса съемок проходила в Карелии. У нас в стране все тяготеет к центру, а региональные студии действительно перестали генерировать смыслы, они создают техническую базу для второго состава. У нас появляются студии, например, в Крыму, которые не только обеспечивают техническую возможность для команд, но и тоже начнут генерировать смыслы. Было бы, например, интересно пообщаться с оренбургскими кинематографистами, узнать, какие у них есть ресурсы. Сейчас кино увлекается огромное количество людей, как производителей, так и зрителей. Формируются наши большие интернет-кинотеатры, они конкурируют, формируют свои аудитории. Со своей стороны хочу сказать: есть кинематографисты Индии, Марокко, Монголии, и у меня есть проекты, которые я уже готов предложить для копродукции. Например, Индия — страна, где я провел год своей жизни, и это самая большая кинематографическая страна. Выскажу немного скепсиса: например, с китайскими кинематографистами работать очень тяжело. фильм «Он — дракон» имел очень локальный успех в Китае, но заработанное там в прокате окупило все. В нашем прокате мы не наблюдаем индийского кино, его могло бы быть больше, например, в рамках того же БРИКС».

Тынчтык Абылкасымов, режиссер (Кыргызстан):

«Несмотря на то, что более 30 лет наши страны живут параллельно, судьбы наших народов все равно сплетены. В последнее время в Кыргызстане снимается большое количество кассовых фильмов, большинство из них выходит на русском языке. При создании какого-то фильма без русских слов нам никак не удастся написать диалоги. Почему-то они становятся неестественными. Почему-то фильмы снимаются по-американски, но на русском языке».

Зухара Нарузбаева, актриса:

«Во-первых, я хочу сказать, что я российская актриса. А наш фильм «Ласточка» — копродукция. И этот фильм — про Восток и Запад и про то, какие мы все разные и сколько у нас всего общего. С точки зрения актрисы расскажу: в Казахстане очень много режиссеров, которые снимают классное, хорошее фестивальное кино. Развивается сериальная продукция. У них есть своя интернет-платформа, на которой сценаристы и режиссеры представляют свои сценарии и им дают финансирование. Большинство проектов в

Казахстане снимается на казахском языке, и в нашем фильме серьезно стоял вопрос о переозвучке моей героини, потому что я не знаю казахского. Очень много режиссеров учатся в России, во ВГИКе, но возвращаются к себе и начинают снимать кино».

Михаил Мерзликин, режиссер (Хакасия):

«Наш фильм на хакасском языке, актер — хакас. Хакасам понравилось, что фильм на их языке. А снимать в Хакасии несложно. Мы уже сняли три полных метра. Есть инфраструктура, гостиницы, удобный доступ к фантастическим локациям: 20 км — степь, 20км — горы, и так далее. Актерская база огромная, есть рентал».